

СУДЬБА СЕМЬИ

Леонид ЦЫРИНСКИЙ

Анна Цыринская. Минск, 1972 г.

Анна Мачиз. Минск, 1929 г.

Я составитель книги «Анна Мачиз: свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто 1941–1943 гг.». По просьбе редакции журнала «Мишпоха» решил написать об истории создания этой книги, и не только об этом.

Анна Семеновна Мачиз родилась 18 декабря 1910 года в Минске. Она двоюродная сестра моей мамы Цыринской Анны Исааковны. Судьба распорядилась так, что после того, как погиб в Первую мировую войну в 1915 году отец мамы (мой дедушка Кугель Исаак), бабушка с маленькой Аней переехала жить в город Минск из Руденска в семью Анны Семеновны Мачиз, которая проживала по улице Лодочной.

Семья Мачиз в то время состояла из четырех человек. Семен Мачиз – отец, работал в отделе лесных заготовок железной дороги, Фрейда – мать, была домохозяйкой, Савелий – старший брат и, собственно, сама Аня.

Моя мама Анна Исааковна с бабушкой жили в семье Мачиз до 1934 года. Когда мама вышла замуж за Абрама Цыринского, она переехала к нему в городской поселок Руденск. В 1935 году родилась моя старшая сестра Софья, а 16 мая 1941 года, перед началом Великой Отечественной войны – родился я, автор этих строк.

Мой отец Цыринский Абрам Ефимович, 1907 года рождения, работал директором конторы «Заготскот» Руденского района. Когда началась война, он должен был сначала эвакуировать скот в глубь страны, а потом только думать о себе и своей семье. Так получилось, что фашисты появились в Руденске очень быстро, скот, что не успели вывезти, раздали людям, а отец вынужден был скрываться на конюшне в деревне Титва. Находился там до декабря 1941 года. Бывший сотрудник выдал его, и отца расстреляли.

Савелий – брат Анны Мачиз. г.
Орехов, 1941 г.

В конце июня 1941 года к нам пришла из Минска сестра отца Дора с трехлетним сыном Леонидом. В конце августа 1941 года по приказу оккупационных властей мы – моя мама с двумя детьми: сестрой и мной, и тетя Дора с Леней – оказались в Руденском гетто, которое находилось по улице Дукорской. Там все было так же, как во всех гетто, организованных фашистами. Евреи обязаны были пришить желтые шестиконечные звезды к верхней одежде. Взрослых гоняли на разные тяжелые работы. Избиения, издевательства, голод, болезни, страх... За невыполнение любого приказа – расстрел.

Накануне погрома 10 октября 1941 года (об этом стало известно в конце сентября) моя мама и тетя Дора с детьми решили убежать из гетто. Их остановил полицейский и устроил экзамен на правильное произношение звука «р» в слове «кукуруза». Испытания прошли успешно, и полицей их пропустил. Дальше путь лежал в Минск на улицу Клары Цеткин, 8, где жили родители отца и его брата.

Как мы добрались до Минска, не знаю, но опять попали в гетто. Жили по улице Шорной. В гетто моя мама встретила с Анной Семёновной Мачиз. С ее помощью были выправлены немецкие документы, и по ним нам всем пятерым удалось выйти из гетто. Позже я узнал, что она принимала активное участие в геттовском подполье.

На вопрос личного листка по учету кадров «Находился ли на территории, временно оккупированной немцами в период Великой Отечественной войны (где, когда и работа в это время)» Анна Семеновна отвечает: «В городе Минске, 1941–1942 гг. Скрывалась и жила на нелегальном положении, нигде не работала». Заполнялся этот листок 25 сентября 1953 года.

Как видите, слово «гетто» не упоминается. Хотел бы я посмотреть на того человека, который осмелился бы в те годы при устройстве на работу это слово упомянуть, написать о пребывании там. А Анна Семеновна была не из

Анна Мачиз с супругом Исааком на отдыхе. 1954 г.

Анна Мачиз. Минск, 1986 г.

робкого десятка.

...Выйдя из гетто и из города, мы направились по Логойскому тракту, где нас подобрала машина с полицейскими и отвезла прямо к Логойской тюрьме. Там мы провели почти две недели. После разных проверок были отпущены. Была середина февраля 1942 года. Мы пошли по направлению на Радошковичи. Остановились в деревне Валоки. И скрывались там до июля 1944 года, до самого освобождения.

В августе 1944 года мы вернулись в Руденск. Так как документов у нас никаких не сохранилось, то новые, мне и сестре, выдали по внешнему виду. Был такой прием.

Сестра отца вернулась в Минск на улицу Клары Цеткин в дом своих родителей, которые погибли в Минском гетто. Мы же вернулись в Руденск и стали жить в своем довоенном доме по улице Железнодорожной, 1. Правда, домом это строение можно было назвать с натяжкой. За три года он был превращен в развалюху, в нем изготавливали валенки для немецких часовых. Я и сейчас помню эти огромного размера валенки.

Анна Семеновна разыскала нас, по-моему, в конце 1944 года или в начале 1945 года. И с этого момента она постоянно помогала нам, поддерживала и материально, и морально.

Зимой 1945 года мы все заболели брюшным тифом. Мама еле дошла до местного врача и с трудом уговорила его прийти к нам домой. Он долго не соглашался, так как за сотрудничество с оккупационными властями в качестве врача был лишен права заниматься врачебной деятельностью. Его фамилия Мыслевец. Вот он и поставил диагноз – брюшной тиф. Мама связалась с Анной Семеновной, и та на машине приехала и забрала нас в Минск. Устроила в инфекционную больницу на улице Кропоткина с большим трудом. Жителей района не принимали на лечение. Но надо было знать

Леонид Цыринский с внуками.

мою тетушку, она пришла к главврачу в прокурорской форме, и все, в конце концов, было улажено.

После выздоровления мы снова вернулись в Руденск. В 1950 году мама продала наш дом, и мы переехали в Минск.

Жили трудно. Я и сестра учились в школе, мама работала на низкооплачиваемой работе. И опять рядом была тетушка. В нужный момент она подставляла свое плечо. Таким образом, мы с сестрой смогли учиться. Я после восьмого класса поступил в архитектурно-строительный техникум, но после первого курса перешел на вечернее отделение и пошел работать. Сестра окончила техникум легкой промышленности и уехала по направлению работать в Витебск на обувную фабрику.

В 1960 году я был призван в ряды Вооруженных Сил Советского Союза. Отслужил, пошел работать на Минский моторный завод и учиться в вечернюю школу. За один год окончил 9 и 10 классы. Получив аттестат за среднюю школу, подал документы в Белорусский политехнический институт на машиностроительный факультет и в 1971 году его окончил.

После смерти мужа в 1974 году Анна Семеновна и моя семья съехались в одну квартиру. Она уже была на пенсии. Мы с женой работали, и она помогала нам в воспитании детей. Их у нас двое: Марина и Дима. Так как Анна Семеновна была очень опытным юристом, то к ней постоянно обращались за советом и консультацией различные люди и даже организации. Она практически до последних дней являлась членом Общественного совета при Госарбитраже.

К ней приходили многие бывшие узники Минского гетто. В годы войны Анна Семеновна лично знала, общалась с такими людьми, как Гирш Смоляр, Михаил Гебелев, Мушкин, Лев Кулик, Роза Липская, Хася Пруслина и многими

другими. Она была близка к руководству антифашистского подполья. После войны долгое время переписывалась с Гиршем Смоляром, дружила с подпольщицей Саррой Левиной и Наумом Фельдманом, который был комиссаром партизанского отряда им. 25-летия БССР бригады им. П.К. Пономаренко. Анна Семеновна контактировала с писателями Василием Гроссманом, Ильей Эренбургом, Давидом Гаем, Григорием Добинным и вела с ними переписку. До последних дней жизни дружила с еврейским писателем Гиршем Релесом.

Сразу после войны, когда А.С. Мачиз работала в прокуратуре БССР, начальник следственного отдела прокуратуры СССР Лев Шейнин приглашал ее на работу в Москву, но она отказалась. Объяснила тем, что нужно помогать сестре и ее малолетним детям. Есть основания предполагать, что с Л.Р. Шейниным Анна Семеновна была знакома по совместной работе в прокуратуре Ленинграда в 1931 году.

До 1988 года я не знал о существовании дневников А.С. Мачиз военного времени. Дело в том, что дома никогда не было разговоров о гетто. А о том, что Анна Семеновна была в подполье и какую роль играла в нем, ничего не знала даже моя мама. Я как-то увидел немецкий паспорт (аусвайс) дома, это было где-то в 1957–1958 годах. Спросил у мамы об его происхождении, и она сказала, что во время войны у тетушки был знакомый, который работал в комендатуре, и он сделал этот документ. Этого человека звали Николай. Погиб он в 1942 году.

Дневник я обнаружил, когда разбирал документы тетушки после ее смерти. Я их читал и перечитывал несколько раз и каждый раз находил для себя что-то новое. Читать было очень тяжело. За каждым эпизодом стояли люди, некоторых я знал или слышал их фамилии, так как они приходили к тетушке.

У меня не было мыслей издать эти дневники отдельной книгой. Я постепенно узнавал о том, что дневники тети были использованы при составлении «Черной книги» Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга еще в 1945 году. В 1946 году эта книга была издана в Румынии. Писателем Давидом Гаем в книге «Десятый круг» были использованы ее дневники. Копии дневников хранились в архиве КГБ и Национальном архиве Республики Беларусь.

После того, как я прочитал дневники, я много узнал о своей тетушке. Я понял, с каким мужественным человеком жил рядом.

Она заслужила, чтобы ее помнили не только родные и близкие люди. Анна Семеновна была удивительно скромным человеком. В своих дневниках, которые она написала в 1943 году, находясь в партизанском отряде, она практически ничего не рассказывала о своем пребывании в гетто. Одной из подруг Анны Семеновны была Рахиль Раппопорт, которая написала в своих воспоминаниях: «...Второй мукой был голод. Я бы, наверное, тогда погибла от него, если бы не Нюра (А.С. Мачиз). Сама голодная, она все же ухитрялась приносить мне ежедневно миску картофельной похлебки, а иногда даже одну-две сваренных картофелины – вообще неопиcуемая роскошь».

Описывая один из погромов, Рахиль Раппопорт отмечает: «...На этот раз я побежала к Нюре. Она уложила меня на свою койку, потом повела в юденрат, где мне выдали какое-то тряпье на тело и большие рваные мужские ботинки на ноги».

А.С. Мачиз в очередной раз спасла подругу.

Еще из воспоминаний Рахиль Раппопорт:

«О попытках ухода из гетто, об организации сопротивления, мужественной борьбе с убийцами описано в рукописи А.С. Мачиз, которой об этом было известно больше, чем мне».

Так же Рахиль Раппопорт вспоминает, что во время погрома в ночь на 1 августа 1942 года ее подруга Нюра спаслась, успев спрятаться со своей матерью в тайнике. Вообще, все то время, когда Р. Раппопорт находилась в Минском гетто, она была связана с А.С. Мачиз. Та ей оказывала посильную помощь. После войны Рахиль Раппопорт продолжала дружить с моей тетей. И неоднократно помогала нашей семье.

Более подробно об Анне Семеновне Мачиз написал профессор Э.Г. Иоффе в книге «Анна Мачиз: свидетельства трагедии и борьбы в Минском гетто 1941–1943 гг.». Мои беседы с Эммануилом Григорьевичем также подтолкнули меня к составлению этой книги, за что я ему искренне признателен.

В своем дневнике, предвидя возможные репрессии против участников антифашистского подполья в Минском гетто, как остававшихся на оккупированной территории, моя тетя Нюра практически не упоминает имен и фамилий людей, которые остались живы и могли бы пострадать от КГБ после победы над фашизмом. Она твердо верила в победу советского народа. Поэтому указывает фамилии либо погибших героев, таких как Мушкин, Гебелев и других, либо тех, которые смогли уйти в партизаны, таких как Смоляр, Фельдман и др. Анна Семеновна поступила так, потому что работала до войны в органах НКВД и прокуратуры и знала специфику работы этих организаций.

Люди старшего поколения добрым словом вспоминают об Анне Семеновне Мачиз.

Леонид ЦЫРИНСКИЙ